

Экология по Арсеньеву

Урок первый

Офицеру, учёному, писателю, путешественнику Владимиру Арсеньеву тесны рамки какого-то одного ведомства – армейского, академического, литературного или таёжного. Горький говорил, что Арсеньев объединил в себе Альфреда Брема и Фенимора Купера. Географ и этнограф, лирик и мистик, археолог и борец с браконьерами – всё это Арсеньев, и список нисколько не исчерпан. Мы также вправе считать его одним из первых российских экологов.

Дебют Арсеньева в печати – датированный 1906 годом отчёт о деятельности Владивостокского общества любителей охоты. Уже тогда, задолго до экологического бума, разговоров о глобальном потеплении, зелёной экономике и переработке отходов, Арсеньев заявлял о недопустимости потребительского отношения к природе. Выступал за принятие «охотничьего закона», считал, что человек из «злостного всепожирающего хищника» должен превратиться в мудрого хозяина дарованных ему богатств. С горечью писал о браконьерстве, причём нередко со стороны своих же товарищей – военных.

Арсеньев был убеждён: богатый зверем и лесами Приамурский край вскорости превратится в пустыню, если не принять срочных мер по борьбе с хищничеством. О том же говорил его проводник, товарищ и учитель Дерсу Узала. Начиная с 1911 года Арсеньев провёл несколько особых экспедиций. Он выдворял браконьеров, засыпал звероловные ямы, изымал орудия незаконного промысла.

В отношении к зелёному, растущему, живому Арсеньев представляется антиподом своего предшественника и коллеги – знаменитого исследователя, военного географа и фанатичного охотника Николая Пржевальского. Тот истреблял дичь в невообразимых масштабах, не стеснясь в этом признаваться. В пору Арсеньева богатства Уссурийского края всё ещё считались неисчерпаемыми. Ни крестьянам, ни солдатам и в голову не приходило жалеть казавшееся бесчисленным зверьё, что бы ни говорил по этому поводу мудрый арсеньевский проводник. Тайга попросту выжигалась, тигров отстреливали почём зря. Лишь в 1947 году, когда Арсеньева уже не было в живых, тигра в Советском Союзе наконец взяли под защиту, вскоре он стал гордостью и символом Приморья.

Урок второй

Одним из наставников Владимира Арсеньева в походах по горно-таёжным дебрям Дальнего Востока стал нанайский охотник Дерсу Узала. Никогда и нигде не учившийся, не умевший ни читать, ни писать, он обладал самым настоящим экологическим сознанием. Оно было впитано им сизмальства. Дерсу был не пришельцем извне, уссурийская тайга была его миром и домом. Всё сущее он называл «люди». Камни, ветер, река, огонь – всё это было для него «люди», не говоря уж о животных и растениях. Всё жило своей сокровенной жизнью, составляя удивительную таёжную симфонию. Не зная таких понятий, как экологическое равновесие или биологическая система, Дерсу, конечно же, хорошо представлял, что это такое. Когда Арсеньев, задумавшись о чём-то, бросил в костёр кусочек мяса, Дерсу выхватил его из огня и отчитал «капитана»: разве можно сжигать пищу? Уйдём отсюда мы – придут другие люди. Не енот – так барсук, не белка – так мышь или муравей...

Дерсу никогда не стрелял в живое понапрасну. Если продовольствия в отряде хватало, он, имея возможность добыть нескольких изюбрей, мог ограничиться рябчиком. Когда один из солдат забавы ради прицелился в ворону, Дерсу его остановил. Арсеньев говорил, что к идеям охраны природы, разумного пользования её дарами дикарь Дерсу стоял куда ближе многих европейцев, срывающих людьми образованными и культурными.

Сам Арсеньев вёл себя в тайге подобно Дерсу и не убивал зазря. Он с горечью наблюдал за тем, насколько кардинально меняются некогда дикие ландшафты. Первобытные леса вырубались и выжигались, зверья и рыбы становилось меньше, вместо рёва тигра зазвучал свисток паровоза.

В 1975 году японский классик Акира Кurosавы снял в Приморье фильм «Дерсу Узала». Переводить прозу Арсеньева на язык кино непросто, но режиссёр сумел справиться с этой задачей. И в книге Арсеньева, и в неторопливой философской ленте Кurosавы – размышления о прогрессе, ответственности, человеке и его месте в мире.

Урок третий

Путешественник, учёный, писатель Владимир Арсеньев оставил огромное наследие, часть которого, как ни странно, не осмыслена до сих пор, – имею в виду прежде всего дневники и письма.

Арсеньев продолжил начатое русскими первопроходцами открытие Дальнего Востока. По-настоящему освоенным становится только то, что переплавлено в художественные образы. Именно Арсеньев, этот очарованный странник, рассказал миру об Уссурийском крае, сделав его фактом культуры.

Самоучка, не имевший академического образования, он стал учёным широчайшего, воистину ломоносовского профиля. За его плечами были только два года юнкерского пехотного училища, всё остальное – самообразование, которое военный географ Арсеньев продолжал всю жизнь. Изучал языки коренных народов, занимался археологией, этнографией и полутора десятками других наук.

Составлял геополитические прогнозы, часть из которых сбылась уже после его смерти, а часть небезынтересна и поныне, помогал царской и советской властям заселять и развивать дальневосточные периферии.

Жёстко критиковал современную ему цивилизацию, не признавая технического прогресса в отсутствие нравственного. Видя, что происходит с природой из-за бездумного отношения к планете и желая поскорее извлечь выгоду, называл человека бичом Земли, самым ужасным, свирепым и беспощадным хищником. Арсеньев считал тайгу храмом и не мог равнодушно смотреть на ее осквернение. В итоге он был вынужден прийти к невесёлой мысли: «Цивилизация родит преступников».

Арсеньев, вне всякого сомнения, незаурядный прозаик, и было бы неверно считать его книги слегка обработанным полевым дневником. Это самобытный философ, тонкий лирик, учившийся описанию и осмыслению природы у русских классиков, и даже мистик.

Важна, конечно, и сама личность Арсеньева – интеллигента, пассионария, человека железной воли. Скрывая многочисленные недуги, он до конца дней ходил в тяжелейшие походы и никогда не жаловался. Твердил: «Работай или умри».

Уроженец Петербурга, он по собственному желанию навсегда перебрался на Дальний Восток, городу всю жизнь предпочитал тайгу. Жизнь его – несчастый для России пример успеха, достигнутого не покорением, а, напротив, оставлением столицы.

Урок четвертый

Гражданская война на Дальнем Востоке шла дольше, чем в остальной России, – на протяжении почти пяти лет. Советским Приморье стало лишь в конце 1922 года.

Ещё накануне Октября Арсеньев уволился из армии. В Гражданской не участвовал, предложения перебраться за границу отверг напрочь. Охранял морские промыслы, выступал против передачи котиковых лежбищ в частные руки.

Ему, похоже, было всё равно, как называется Российское государство и кто в нём правит – царь, Временное правительство или Советы. При всех властях, в военном мундире или штатском костюме, он защищал интересы Отечества, выступая экологом и государственнымником в одно и то же время.

Некоторые чересчур резкие заявления Арсеньева сегодня можно счесть проявлением экологического радикализма. При всём при том он заботился не только о природе и государстве, но и о людях. Видел перспективы моржового, соболиного и даже дельфиньего промысла. Но всегда выступал за чёткие правила, жёсткие ограничения и неотвратимую ответственность.

Именно Арсеньев стоял у истоков заповедного дела на Дальнем Востоке. Его работы в этой области интересны доныне, несмотря на то что пехотный офицер ни дня не учился в университете и достиг всего самообразованием. Видя, насколько агрессивно человек атакует природу, как необратимо преобразует её, он предлагал создавать заповедники и заказники. Называл их капиталом, на проценты с которого будут жить потомки.

Вряд ли будет натяжкой назвать Арсеньева одним из отцов российской экологии. В пору его походов тайга изобиловала зверьём, реки – рыбой, а китами, судя по воспоминаниям Чехова, можно было любоваться прямо во Владивостоке. Арсеньев же делал страшные до безысходности прогнозы. Предрекал, что в XX веке человек изведёт соболей и китов, на Дальнем Востоке исчезнут тигры, леопарды, олени. Хорошо, что его опасения не оправдались. Это стало возможным во многом благодаря словам и делам самого Арсеньева, который очевидным образом опережал своё время.